

СОВРЕМЕННАЯ ДУХОВНАЯ СИТУАЦИЯ И ИДЕЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО БОГОСЛОВИЯ

С. ФРАНК

Принимая во внимание программу проходящего в этом году интернационального философского конгресса, я попробую в контексте современной духовной ситуации рассмотреть проблему «отрицательного богословия» или, используя более общее и многозначительное выражение, проблему «*docta ignorantia*».

Мы живем в кризисные времена: традиционные основы всех сфер жизни поколеблены и, отчасти, уже разрушены. Это всеобщий факт, который каждый человек ощущает, так сказать, своим нутром. Более того, любому, кто способен заглянуть вглубь вещей, становится очевидно, что все многочисленные кризисы — экономики, внутренней и внешней политики, моральной жизни, науки — в своей последней основе являются выражениями общего *духовного* кризиса. Конечно, можно было бы высказать предположение, что в основе этого, наиболее значимого из всех кризисов лежит *утрата доверия к человеку*, которая с особой остротой выражается, к примеру, во взаимном недоверии отдельных общностей (будь то классы, нации или расы), что подрывает уверенность в жизни и спокойствие, а также наносит урон творческой деятельности. И все же, при более внимательном рассмотрении вопроса открывается, что подобная утрата доверия к человеку и к людским сообществам оказывается не чем иным, как отражением неверия в общепринятые истины, идеалы и нормы. С той поры как однажды была безвозвратно утеряна характерная для XVIII столетия наивная вера во врожденные человеческие добродетели, мы можем полагаться на человека лишь постольку, поскольку будем уверены, что сами люди руководствуются в своих убеждениях и поступках твердыми нормами, а также связующими идеалами и воззрениями. Однако обращает на себя внимание факт исчезновения именно этих связующих нитей человеческой жизни. В этом состоит необходимый результат всеобщего взаимного недоверия.

Духовный кризис как потрясение всех человеческих убеждений, принципов и постулатов веры становится символом современности. Пошатнулось все, что до сих пор не вызывало никакого сомнения: от политических принципов, таких, как свобода или равенство прав, и этических ценностей, как, например, недостижимость личности или святость брака, до теоретических аксиом, вроде ненарушимой действенности принципа причинности. И кажется, что на смену старой вере пришла новая, столь же прочная. Можно относиться к этой новой вере в различных ее выражениях как заблагорассудится. Однако любой объективно мыслящий человек должен будет признать, что эти новые воззрения убедительны по большей части лишь в их критической составляющей; в позитивном же содержании их веры они представляют собой в лучшем случае рискованные предприятия и эксперименты, чья действенность еще должна быть оценена. Они не обладают той потрясающей степенью убедительности, которая в прежние времена была присуща христианской вере, Ренессансу или Просвещению. В определенном смысле мы действительно живем в высшей степени *критическом* и неорганичном веке, как говорил Сен-Симон.

В чем же состоит задача философского размышления в этом поистине критическом веке, когда под вопрос поставлены все понятия и аксиомы теоретического и практического разума? В первую очередь мужественно осознать сам факт всеобщего кризиса и даже поприветствовать его как явление духовного очищения в трагический период человеческой истории; ни в коем случае из духовной боязни не отстраняться от понятий и аксиом, которые многими уже были причислены к устаревшим и несостоятельным предрассудкам. Философский дух автономен, в том числе и по отношению к самым влиятельным современным течениям; он оставляет за собой право на их непредубежденную проверку и ни в коем случае не должен перед ними капитулировать. Однако нельзя оставлять без внимания и возникающее сомнение; напротив, его нужно принять и методично продумать до конца. Итак, естественной отправной точкой философского размышления в наше время вновь становит-

ся декартовское *de omnibus dubitandum*¹, сократовское *знание о собственном незнании*.

Может показаться, что тем самым высказывается пессимистическое утверждение о непродуктивности тысячелетней духовной и мыслительной работы человечества. Но если вспомнить, какую плодотворную роль в философии сыграло сократовское и декартовское сомнение, а также, что философия в качестве основной науки в отличие от других наук, по сути дела, никогда не может опираться на предданные, чуждые ей результаты, но должна всегда обращаться к пра-началу и касаться последних глубин загадки жизни, то следует признать, что подобный пессимизм представляет собой не что иное, как высшее философское мужество. Поскольку это знание о собственном незнании является обосновывающим *знающим* незнанием, *docta ignorantia*, оно в тоже время является знанием самого предмета в его противоположности ко всем нашим понятиям и суждениям. Познание и признание нашего незнания свидетельствуют о том, что наш взгляд направлен непосредственно на реальность, что мы освободились из сети ограниченных понятий и вновь смотрим в глаза полной загадок реальности.

И все же какова цель этого смелого видения реальности? Достижение новых более точных понятий и знаний? Разумеется, так, однако, при этом мы должны стараться не забывать полученное живое впечатление, которое через нашу основополагающую духовную установку открывает нам реальность в ее важнейшей, сверхпонятийной, сверхрациональной сущности. В том случае, если нам это удастся, мы положим начало не только формальному обновлению нашего знания, наших воззрений, но также сможем добиться и одного существенного результата. Нам откроется, что духовный кризис в своей первооснове является кризисом *рационализма*, сомнением во всех человеческих понятиях по причине чрезмерности того значения, которое им прежде придавалось. Мы постигнем, что реальность не иррациональна по своей сути, поскольку всегда должна нахо-

¹ De omnibus dubitandum (лат.) — подвергать все сомнению. — О.Н.

дить свое выражение в прогрессирующей системе понятий, однако в то же время она остается сверхрациональной, неисчерпаемой в понятиях.

Итак, из кризиса, из признания незнания возникает или должен возникнуть поворот от понятий к реальности, сопровождающийся осознанием сверхрациональной полноты реальности и обещанием, никогда не выпускать ее из поля зрения. Но что означает это обладание реальностью, знание о ней самой в ее отличии от всех понятий? Может показаться, что этот замысел противоречит великому и мнимому самоочевидному высказыванию Канта о том, что мы «вне знания у нас нет ничего, с чем бы мы могли сравнить наше знание». И все же именно это высказывание, несмотря на всю его кажущуюся очевидность, является великим роковым заблуждением рационализма. Само понятийно-предметное познание всегда основано на интуитивно-сверхпонятийном познании, и это последнее является в своей глубочайшей первооснове живым знанием как *самооткровением реальности* в нас и для нас. Мы не чужды бытию, но включены в его великий всеохватывающий контекст; мы также не являемся лишь маленькими частичками, вычлененными из бытия, но такими составными частями целого, в которых постоянно присутствует центр и первооснова всего бытия в его изначальной сущности. Реалистическое истолкование кантовской философии приводит нас к утверждению, что изначальное знание реальности всегда совпадает с откровением реальности как всеединства (и лишь на этом основывается систематически-понятийное единство философского и научного познания) и что это всеединство дано нам потенциально, поскольку мы сами *онтически* находимся в нем и к нему принадлежим. Истинное познание представляет собой откровение постоянно нас окружающей и всепроникающей абсолютной полноты бытия, обладание им благодаря соучастию в его глубочайшем единстве, в его божественной первооснове. Это мистическое знание, обычно называемое «отрицательным богословием» и чью всеобщую сущность Николай Кузанский называет *docta ignorantia*: откровение невыразимого сверхпонятийного единства и полноты бытия в его внутренней связи со своей абсолютной

первоосновой, переживание всеобщей реальности через приобщение к божественным тайнам. Его пренебрежительно называют «мистикой» и подразумевают при этом смутное мечтание, затемняющее трезвый взгляд на мир, отдаляющее нас от предметно-реалистической ориентировки и ведущее в опасные бездны. Это вульгарное воззрение необходимо решительно отвергнуть. Напротив, *docta ignorantia*, философская или спекулятивная мистика, представляет собой откровение самой реальности; несмотря на то, что (или в большей степени именно потому, что) это знание невыразимо и неопределимо, оно адекватно самой реальности. Лишь из него одного проистекает истинное, полное, многостороннее, сбалансированное, позитивное, понятийное познание. Мы призываем перейти от рационализма к сверхрационализму, поскольку ищем живой реальности вместо предвзятости преднайденных и односторонних идей и понятий. Наш девиз: от идеализма к реализму, который при этом не совпадает с так называемым эмпирическим реализмом. Эмпирический реализм в качестве наблюдения небольших обособленных отрезков мира, конечно, почтенен, необходим и плодотворен, но лишь при одном условии — если он ориентируется на всеохватывающую живую интуицию, ибо в противном случае он ведет к мещанской слепоте и сужению горизонта или превращается в высокомерный рационализм. Реализм в качестве нашей путеводной звезды представляет собой *абсолютный* реализм, и лишь по направлению к нему может развиваться как любой предусмотрительный здравомыслящий эмпирический реализм, так и всякий подлинный обоснованный и внутренне оправданный идеализм.

Docta ignorantia, абсолютный реализм, в самом общем смысле совпадающий с отрицательным богословием, является философией полноты и многозначности, равновесия в многообразии. В отличие от философии однозначности и фанатизма, в отличие от исповедующейся ныне всеми направлениями философии «или — или» он представляет собой философию «и—и». Это философия толерантности, не в смысле *формальной* терпимости к заблуждениям, но в смысле *принципиального* признания многозначности исти-

ны, а значит относительного оправдания различных принципов в смысле осознанного признания *coincidentia oppositorum*. Это философия внимания и любви в отличие от господствующей тенденции к презрению и ненависти, к отрицанию противоположной стороны. Не нужно опасаться, что «и — и» нейтрализует и уничтожит все противоположности, все четкие определенности и восторжествует неопределенная безучастная индифферентность и пассивность нашего духа. Абсолютное — это не ночь, в которой все кошки серы, не монотонное единство, поглощающее все многообразие, но светлое, содержательно наполненное единство многообразия, в котором каждый отдельный момент находится на своем строго определенном месте, что категорически исключает любое необоснованное высокомерие. Содержательно наполненное «и — и» способно в себе самом найти основание для «или — или». «Всеобщие понятия и безмерная заносчивость всегда становятся причиной ужасных несчастий», — гласит глубокое изречение Гёте. Вывод таков: всеохватывающий конкретный сверхпонятийный опыт и скромность, которые следуют из религиозной покорности, представляют собой единственный путь к спасению.

Перевод с немецкого О.А. Назаровой